

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ СЕМИНАР СЕКТОРА ЭТИКИ

5 марта 2013 – 16:00

О.В. Артемьева

Реплика в обсуждении доклада О.П. Зубец «Нужен ли друг самодостаточному (об идее морального субъекта в этике Аристотеля)»

Не могу не согласиться с Ольгой Прокофьевной в том, что никто не имеет права выступать от имени Аристотеля. Как и в том, что имеют право на существование различные интерпретации Аристотеля, как и любого другого мыслителя. Я также разделяю высказанную Полиной Аслановой мысль о том, что наши представления о непереносимости и непротиворечивости представлений того или иного философа не всегда обоснованы, а разные, порой кажущиеся не совместимыми друг с другом интерпретации, могут отражать как раз некоторые противоречия в анализируемом учении. Так что я понимаю, что различие подходов к материалу истории мысли только способствует лучшему пониманию этого материала. Как уже не раз отмечалось, по многим темам в истории философии, в частности, в истории моральной философии нам не хватает качественного количества, т.е. достаточной множественности исследований и интерпретаций. Но очевидно и то, что свобода интерпретации не должна оборачиваться насилием над интерпретируемым материалом. Достоверная интерпретация не может строиться на абсолютизации одних идей и суждений и игнорировании других.

Аристотелевское понятие величавого не так однозначно, как может показаться. С одной стороны, Аристотель наделяет величавого всеми теми чертами, на которых сделала акцент Ольга Прокофьевна. С другой стороны, понятие величавого у него не отделено от понятия добродетельной личности. Об этом свидетельствуют слова Аристотеля: «...величавый, коль скоро он достоин самого великого, будет, пожалуй, и самым добродетельным» (EN 1123b26–28); «величавость – это, видимо, своего рода украшение добродетелей, ибо придает им величие и не существует без них. Трудно поэтому быть истинно величавым, ведь это невозможно без нравственного совершенства (*kalokagathia*)» (EN 1124a5); «величавый, если он не добродетелен, предстанет во всех отношениях посмешищем» (EN 1123b32–33). Важно помнить, что Аристотель противопоставляет величавость, с одной стороны, спесивости, а с другой – приниженности. Не тот ли спесивый, кто не обладая нравственным совершенством, считает себя достойным великого, поэтому и является посмешищем?

Понятие добродетельной личности у Аристотеля вполне ясно. Добродетельный обладает набором определенных добродетелей, среди которых, надо отметить, не только те, которые обращены на самого человека, но и те, которые обращены на других людей. Характерно, что Аристотель говорит об обращенной на другого добродетели как самой

полной и совершенной в рассуждении о справедливости. То есть такой добродетелью он прямо называет справедливость. Но, рассуждая о справедливости, он говорит как будто бы и о добродетели в общем смысле: та добродетель является наиболее совершенной, которая обращена не на себя, а на другого. И наиболее значимой Аристотель признает ту именно добродетель, которая обращена на другого: «самый порочный человек, конечно, тот, чей порок обращается на него самого и близких, однако самый добродетельный не тот, чья добродетель обращается на него самого, а тот, чья – на другого, ибо это трудное дело» (EN 1129b30–1130a14). В моем представлении, добродетель справедливости едва ли можно каким-то образом соотнести с образом величавого, однако Аристотель вроде бы мимоходом, но определенно утверждает: «разумеется, величавому ни в коем случае не подобает... поступать против права (adikein)» (EN 1123b32).

По моему впечатлению, в предложенной Ольгой Прокофьевной реконструкции образа величавого не приняты во внимание слова Аристотеля о том, что величавый – это «самый добродетельный», а «самый добродетельный» обладает добродетелями, обращенными не только на себя, но и на других, и о том, что наиболее полная и совершенная та добродетель, обращенная именно на других. Ольга Прокофьевна считает эти слова Аристотеля о добродетели, обращенной на других, не выражающими «подлинного» Аристотеля и потому не заслуживающими внимания. Однако такой взгляд на Аристотеля требует объяснения на основе текста самого Аристотеля и логики его мысли в контексте всего этического учения.